

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики *Е. В. Маслюкова* / Rubric editor *E. V. Maslyukova*

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.849-862>

УДК / UDC 330.3:332:338.2

JEL: O1, O2, O25, R58

А. И. Волынский¹

¹ *Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия*

Промышленная политика и государство развития: к актуализации понятия

Волынский Андрей Игоревич, научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук
E-mail: ava3003@hotmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 1255-0666, AuthorID: 651331

Аннотация

Цель: анализ траекторий эффективной реализации промышленной политики посредством определения степени актуальности ключевых элементов модели государства развития в современных международных реалиях.

Методы: монографический, исторический, абстрактно-логический методы, сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты: описанные на примере ряда азиатских стран характеристики понятия «государства развития» позволили правительствам этих стран в сжатые сроки совершить промышленную модернизацию национальных экономик и перейти на траекторию устойчивого экономического развития. Долгие годы государство развития воспринималось исследователями как часть истории. Это определялось действовавшим консенсусом относительно существующих границ вмешательства государства в экономику.

В последние годы растет интерес правительств различных стран к промышленной политике. Реализация мер в рамках промышленной политики рождает новые вызовы перед государственным управлением, вероятно, схожие с теми, через которые прошли государства развития. Показано, что имеющиеся формулировки качественных характеристик, присущих понятию «государство развития» и свойственные ряду азиатских стран в определенном периоде их развития, значимы для современной теории государственного управления в контексте реализации мер промышленной политики.

Научная новизна: состоит в осмыслении понятия «государство развития» в контексте современности.

Практическая значимость: положения и выводы исследования могут быть использованы в дальнейшем для изучения влияния экономической теории на общественно-политические дискурсы и политические решения.

Ключевые слова:

экономическая теория, государство развития, экономика развития, азиатские тигры, промышленная политика

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Вольнский, А. И. (2024). Промышленная политика и государство развития: к актуализации понятия. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 849–862. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.849-862>

Scientific article

A. I. Volynskii¹

¹ *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Industrial policy and the State of development: to actualization of the notion

Andrei I. Volynskii, Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
E-mail: ava3003@hotmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>
eLIBRARY ID: SPIN-code: 1255-0666, AuthorID: 651331

Abstract

Objective: to analyze the trajectories of industrial policy effective implementation by determining the relevance of key elements of the “development state” model in modern international realities.

Methods: monographic, historical, abstract-logical, comparative methods.

Results: the characteristics of the “development states” concept described on the example of some Asian countries allowed their governments to carry out industrial modernization of national economies in a short time and switch to the sustainable economic development trajectory. For many years, the “development state” has been perceived by researchers as part of history. This was determined by the consensus on the existing boundaries of state intervention in the economy.

In recent years, the interest of governments in industrial policy has been growing. The implementation of measures within the industrial policy gives rise to new challenges to public administration, probably similar to those that the development states have gone through. The author shows that the available formulations of the qualitative characteristics inherent both in the “development state” concept and in some Asian countries in a certain period of their development are significant for the modern theory of public administration in the context of industrial policy measures.

Scientific novelty: it consists in understanding the concept of the “development state” in the modern context.

Practical significance: the research provisions and conclusions can be used in the future studies of the economic theory influence on socio-political discourses and political decisions.

Keywords:

economic theory, development state, development economy, Asian tigers, industrial policy

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Volynskii, A. I. (2024). Industrial policy and the State of development: to actualization of the notion. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 849–862. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.849-862>

Введение

Кризисы последних лет: от пандемии вируса *COVID-19* до обострения геополитических противоречий, скачкообразного роста числа взаимных санкций и ограничительных мер¹ – оказывают влияние не только на пересмотр карты международной экономической интеграции (Gopinath et al., 2024), но и в каждом конкретном случае могут влиять на концептуальную структуру взаимодействия между государством, политикой, обществом и самой экономикой. И страны Западной Европы, и США, будучи родиной неолиберального консенсуса, в свое время ставшие главными инициаторами и драйверами снижения торговых барьеров и интенсификации развития международной торговли на основе представлений о сравнительных преимуществах и взаимном выигрыше участников торговых отношений, возвращают в свой политический дискурс понятие международной конкуренции. Рост китайской экономики, ставший возможным в том числе благодаря выгодам от международной экономической интеграции и по мере становления в современном Китае рыночных институтов, начал восприниматься странами Запада не как знамение «конца истории» в том виде, в каком о нем писал Френсис Фукуяма (Fukuyama, 1992), но, напротив, как источник экзистенциального вызова для западных демократий и существующего статус-кво в политической картине мира². «Конец истории» обернулся «концом конца истории» (Hochuli et al., 2021). Сам Фукуяма стал говорить о либеральной демократии и соответствующих ей экономических институтах как о том, за что следует бороться, что можно утратить, и что в глобальных масштабах все еще не достигнуто³. Опыт Китая показал возможность реализации альтернативной неолиберальной эффективной модели общественного развития. Это стало вызовом той ценностной структуре, выразителем которой в свое время стал Фукуяма (Волынский, 2022. С. 15). Даже успехи национальных правительств в борьбе с пандемией *COVID-19* были восприняты в том числе научным сообществом через призму противопоставления демократических и авторитарных политических режимов: допущение лишь вероятности сравнительно большей или сопоставимой эффективности авторитарий в борьбе с вирусом вошло в противоречие с определенной ценностной системой и подхлестнуло соответствующую волну академических публикаций на Западе (Biondo et al., 2022; Cassan & Steenvoort, 2021).

В дискурс экономистов и политиков вернулось понятие конкуренции: прямой с Китаем⁴ и технологической между странами⁵. На этом фоне экономический национализм, привычный для стран Азии (D'Costa, 2012), возродился и на Западе (Maull, 2024), и рассматривается, например, таким авторитетным экономистом, как Дани Родрик, не как постыдный рудимент прошлого или атрибут политического популизма, но как разумный отход от экономического либерализма⁶. Вместе с ростом восприятия международной торговли не только как системы взаимного выигрыша, но и как арены геополитической и экономической конкуренции, вернулась и потребность в переосмыслении роли государства в экономике. Рожденное на уровне политического восприятия стремление к экономической и технологической конкуренции логически предполагает развитие отдельных отраслей национальной экономики, что едва ли возможно вне целенаправленных усилий со стороны правительства и государственного аппарата. Государство как регулятор экономической деятельности неизбежно усиливает степень своего влияния не только в развивающихся странах, но и в развитых экономиках Запада (Hinterleitner et al., 2024): косвенным тому подтверждением можно считать снижение индекса экономической свободы (Gwartney et al., 2023).

¹ Глава МВФ: количество торговых ограничений в мире за последние годы выросло в четыре раза. (2024, 28 апреля). ТАСС. <https://tass.ru/ekonomika/20677957>

² Roberts, D. (2022, September 22). At Stake in the U.S.-China Rivalry: The Shape of the Global Political Order. The Washington Post. <https://www.washingtonpost.com/books/2022/09/22/stake-us-china-rivalry-shape-global-political-order/>

³ Fukuyama, F. (2022, October 17). More Proof That This Really Is the End of History. The Atlantic. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/10/francis-fukuyama-still-end-history/671761/>

⁴ Al-Haschimi, A., Emter, L., Gunnella, V., Ordoñez, I. M., Schuler, T., & Spital, T. (2024, September 3). Why competition with China is getting tougher than ever. European Central Bank. <https://www.ecb.europa.eu/press/blog/date/2024/html/ecb.blog240903~57f1b63192.en.html>

⁵ Thomas, Ch. (2023). Technology competition between nations: Views from industry leaders. The Brookings Institution. <https://www.brookings.edu/articles/technology-competition-between-nations-views-from-industry-leaders/>

⁶ Rodrik, D. (2023, November 7). Doing Economic Nationalism the Right Way. Project Syndicate. <https://www.project-syndicate.org/commentary/east-asian-model-vindicates-economic-nationalism-by-dani-rodrik-2023-11>

Артикуляция в общественно-политическом дискурсе существования экономической конкуренции между странами, протекающей на фоне геополитических конфликтов и расширяющихся торговых ограничений, отчасти может оказаться сведенной к технологической конкуренции: многие из действующих в современной мировой экономике торговых ограничений связаны со стремлением одних стран замедлить технологический рост и ослабить промышленный потенциал экономик своих геополитических конкурентов посредством введения санкционных ограничений. Это подталкивает и тех, в отношении кого вводятся санкции, и тех, кто их вводит, к идее об укреплении технологического и торгового суверенитета⁷, так как применение эффективных санкционных инструментов влечет издержки для обеих сторон⁸. Сама идея технологического суверенитета возвращает в поле экономического дискурса понятия государственного и национального суверенитета⁹. Все это дает дополнительный импульс росту интереса правительств различных государств к активизации так называемой промышленной политики, возрождает дискуссии о стратегическом управлении экономикой (Клейнер, 2023). Как мы покажем далее, промышленная политика как аспект деятельности того или иного правительства и как элемент широкого общественно-политического и узкоспециализированного экономического дискурса вернулась не только в странах Востока и России, но и на Западе.

Актуализация этого понятия ставит, впрочем, и перед политиками, и перед исследователями новые вопросы о способах эффективной реализации промышленной политики, так как долгое время считалось, что неэффективность государственных мер промышленной политики априорна. Очевидно, что существующий критический взгляд экономической теории на возможности участия государства в экономической деятельности не только как ночного сторожа, но и как актора экономической деятельности нуждается в очередной волне уточнений. И в данном случае свой интерес может представлять модель так называемого государства развития (*developmental state*). Эта концепция родилась из опыта изучения экономической политики Японии в середине XX в. и была множество раз применена в исследованиях экономик стран «азиатских тигров»: Южной Кореи, Сингапура, Тайваня и Гонконга. Их роднила высокая степень участия государства в экономической жизни страны, и все они продемонстрировали свою историю успеха.

Таким образом, целью своего исследования мы видим определение, в какой степени рост актуальности идеи промышленной политики как целенаправленных усилий правительств к развитию отдельных отраслей промышленного производства ради достижения национального суверенитета делает жизнеспособной концепцию государства развития, не только легитимирующую идею вмешательства государства в экономические процессы, но и определяющую механизмы этого вмешательства. В первой части исследования мы рассмотрим особенности современного экономического дискурса относительно понятия промышленной политики, во второй изложим основные положения концепции государства развития и подведем определенные итоги. В третьей, заключительной, части мы поднимем вопрос о релевантности модели государства развития применительно к современной российской экономике.

⁷ Интересно, что само понятие технологического суверенитета довольно сложно артикулируется вне проблемы не просто взаимного доверия между странами, но и такого вопроса, как сходство политических режимов и ценностной близости между странами: «...государственное вмешательство в экономические отношения может быть обосновано требованием технологического суверенитета, если для этого есть основание на уровне общих ценностей (например, демократии, прав человека, устойчивого развития и др. (Гареев, 2023. С. 42).

⁸ Этот логический «парадокс санкций» был описан в 1999 г. в исследовании Drezner (1999).

⁹ Логическую несовместимость представлений о свободном рынке с понятием суверенитета и критику последнего можно встретить, например, у Ф. Хайека: «Концепция суверенитета основана на ложной логической конструкции, исходящей из допущения, что существующие правила и институты суть порождение единой творческой воли. Но нет воли, способной навязать людям какие угодно правила. Сообщество свободных людей исходит из того, что всякая власть ограничена общими представлениями, объединяющими людей. Где нет этого согласия, нет и власти» (Хайек, 1990. С. 63). Размышлявший об экономике в направлении, заданном Хайеком, Ф. Фуко также видел противоречие между суверенитетом и свободным рынком, процессы в котором находятся вне воли и понимания регулятора (Греньё, Орлеан, 2009. С. 135–142).

Результаты исследования

От промышленной политики к государству развития

OECD определяет промышленную политику как «государственную помощь предприятиям для стимулирования или переформатирования конкретной экономической деятельности»¹⁰. Определение предполагает, что правительство прибегает к мерам промышленной политики в случаях, когда рынки демонстрируют свою неспособность к самостоятельному решению задач структурных изменений: зеленого перехода, повышения безопасности производственных цепочек и т. д. Однако авторы выпущенного *OECD* доклада, посвященного вопросам промышленной политики, отмечают, что, несмотря на возвращение этой темы не только в политический, но и академический дискурс, единое определение понятия отсутствует, что выражается и в различиях в классификации мер промышленной политики как таковой, и в определении инструментария промышленной политики (Crisciolo, et al., 2022. P. 14). Предлагаемое в связи с этим самими авторами определение подразумевает под промышленной политикой меры правительственной поддержки бизнес-сектора, реализуемые при условии существующего акцента на структурные преобразования как всей экономики в целом, так и отдельных отраслей (Crisciolo, et al., 2022. P. 14). Широта определения позволяет авторам указать на то, что меры фискального стимулирования, денежная и макропруденциальная политика также могут быть рассмотрены как косвенный фактор реализации промышленной политики. Предложенная авторами таксономия инструментов промышленной политики предполагает как сочетание «горизонтальных» мер промышленной политики, направленных на создание эффективной инновационной среды, так и точечных мер поддержки. В первом случае авторы опираются на шумпетерианское представление о развитии инноваций, подразумевающее распространение новых технологий и решений посредством сетевого взаимодействия агентов (Crisciolo, et al., 2022. Pp. 19–21)¹¹: принципиальным в современном понимании моментом в этом вопросе применительно к теме промышленной политики как направленного регуляторного воздействия является возможность формирования сетей распространения инноваций в ситуации, когда устойчивые социальные связи в экономической среде еще не выстроены (Голиченко, 2023).

Несколько иное определение мы находим в докладе Дани Родрика и соавторов. В их версии промышленная политика – это «те государственные меры (*government policies*), что явно нацелены на преобразование структуры экономической деятельности в достижении какой-то общественной цели» (Juhász et al., 2023. P. 4). Авторы отмечают, что в сравнении с прежними трактовками, исторически предполагавшими стимулирование развития отдельных отраслей промышленности, они предлагают под объектами промышленной политики понимать и поддержку определенного вида услуг, исследований и разработок. Что интересно в рамках нашего исследования: говоря об определении, авторы указывают на одно из вытекающих из логики промышленной политики как таковой узких мест для критики: промышленная политика предполагает осуществление принимающей решения бюрократией поддержки той или иной отрасли или корпорации в ущерб другой: «мы продвигаем X, но не Y» (Juhász et al., 2023. P. 4).

Существующие различия в определении и понятия, и инструментария промышленной политики осложняют стоящую перед исследователями задачу межстрановых сопоставлений и объемов реализуемых мер и их результативности в разных странах. Однако попытки межстрановых сопоставлений и формирования баз данных существуют: мы имеем в виду проект «Обсерватория новой промышленной политики» (*New Industrial Policy Observatory, NIPO*), созданный на основе базы *Global Trade Alert*¹². Авторы проекта учитывают 66 типов инструментов реализации промышленной политики: от субсидирования отдельных отраслей и предприятий и мер макропруденциальной политики до торговых ограничений: как введения мер экспорт-

¹⁰ OECD. Industrial policy. <https://www.oecd.org/en/topics/policy-issues/industrial-policy.html>

¹¹ В данном случае авторы приближают себя к нешумпетерианскому подходу в создании инновационной среды, предполагающему наличие в экономике горизонтальных связей, связывающих между собой центры разработок, в том числе университеты, различных производителей и бюрократический аппарат. В России этот подход развивается О. Г. Голиченко (2014).

¹² New Industrial Policy Observatory 2.0. (2017). Global Trade Alert. <https://www.globaltradealert.org/reports/112>

ного контроля, так и повышенных тарифов на импорт отдельных видов продукции¹³. В части результатов основная база проекта – *Global Trade Alert* – демонстрирует рост искажающих рыночный характер мировой экономики мер, начавшийся в 2019-м. Среди искажающих мер, включающих и торговые ограничения, доминируют субсидии – они составляют 56,5 % действующих в мировой экономике мер правительственных интервенций¹⁴. Более подробный анализ по данным за 2023 г. показал, что: 1) на Китай, страны Европейского союза и США приходится 48 % принятых мер промышленной политики; 2) развитые экономики в 2023 г. реализовывали меры промышленной политики чаще, чем правительства развивающихся стран; 3) наиболее часто используемый инструмент – корпоративные субсидии. Интересны и иные особенности: в 2023 г. наиболее часто встречающейся декларируемой правительствами целью вводимых мер стало решение стратегической задачи повышения конкурентоспособности экономики, а лидеры среди отраслей – медицина, продукция двойного назначения, высокотехнологичные сектора, в том числе производство полупроводников. В части используемых мер важно обратить также внимание на различие в каналах предоставления субсидий: если в развитых странах основными каналами субсидирования стали гранты и государственные кредиты, то в развивающихся – государственные кредиты, налоговые льготы и вливания капитала (Evenett et al., 2024. P. 7)¹⁵.

Несмотря на рост популярности экономической политики как явления, вопрос о ее эффективности все еще широко дискутируется как на примере развитых, так и развивающихся стран. Так, существуют исследования, показывающие отсутствие долгосрочного положительного эффекта от реализуемой промышленной политики в Китае в рамках принятых планов пятилетнего развития страны: предполагается, что в краткосрочной перспективе реализуемые китайским правительством стимулирующие меры показывают положительный эффект, что удовлетворяет бюрократию, однако в долгосрочной перспективе эффект затухает (Wu et al., 2019). Часть авторов идет дальше, доказывая, что субсидии, предоставляемые китайским производителям в рамках реализации стратегии *Made in China 2025*, не оказывают положительного воздействия на инновационную деятельность основных компаний-реципиентов (Branstetter & Li, 2022)¹⁶. В другом исследовании на примере Эфиопии показывается неэффективность стимулирования промышленного развития посредством финансового стимулирования при отсутствии благоприятной институциональной среды (Gebrewolde & Rockey, 2022).

В случае изучения китайского опыта скепсис авторов зачастую основывается на широко разделяемом в прежние годы предположении о неэффективности промышленной политики («политика, которую нельзя назвать») (*the Policy That Shall Not Be Named*) – так резюмируют доминировавшее многие годы в экономической науке отношение к промышленной политике авторы одного из исследований (Cherif & Hasanov, 2019). Однако актуальные исследования, исчерпывающий обзор которых приводится в работе Juhász с соавторами (2023), показывают, что в разных исторических условиях меры промышленной политики могут оказывать как нейтральное или негативное воздействие, так и, напротив, давать положительные результаты. Реабилитация промышленной политики, основанная на множестве исторических примеров, показывает, помимо прочего, что «азиатское чудо», построенное на четких стратегиях реализации промышленной политики, – это не исключение из правил, как считалось прежде, а один из череды положительных случаев.

Проведенный Дани Родриком и соавторами метаанализ исследовательской литературы показывает, что решающее значение имеет не сама идея промышленной политики, а вопрос применения необходимых мер в нужном месте, и в нужное время. Однако, сняв базовый вопрос о потенциальной эффективности промышленной политики как таковой, мы приходим к вопросу о существующих слабых местах реализации промышленной политики. Проблема выбора нужной меры в нужном месте и в нужное время отчасти может

¹³ The New Industrial Policy Observatory 2.0 (NIPO 2.0). Methodological note (p. 5). Global Trade Alert. <https://www.globaltradealert.org/reports/112>

¹⁴ Total Number of Implemented Interventions Since November 2008. (2008). Global Trade Alert. https://www.globaltradealert.org/global_dynamics

¹⁵ Уточним, что в случае с Китаем речь может идти о предоставлении кредитов государственным предприятиям, но с процентом ниже рыночного.

¹⁶ Стоит оговориться, что проведенный анализ затронул только публичные китайские компании и основывается на их публичной отчетности, таким образом, полученные результаты раскрывают лишь часть общей картины инновационного развития китайской экономики и трудно согласуются, например, с ростом количества международных патентных заявок, поданных китайскими корпорациями.

пониматься как вопрос случайности, отчасти же решаться в рамках существующих теорий, в частности, в российском научном дискурсе построенных на основе теории институциональных реформ¹⁷ и, например, теории мезоинститутов и – шире – мезоуровня как промежуточного между микро- и макроуровнями, позволяющего бюрократии специфицировать набор реализуемых мер исходя из институциональных и иных реалий национальной экономики (Маевский, Кирдина-Чэндлер, 2020; Golichenko, 2019).

С другой стороны, проблема эффективности мер промышленной политики выводит нас на вопрос об эффективности бюрократии и государственного управления, в решении которого можно выделить два уровня. Во-первых, это способность бюрократии оценивать ту или иную ситуацию, абстрагируясь от технократического стремления к формализации управляемой реальности (подробнее мы касались этого вопроса в работе (Волынский, 2023. С. 242–243). Во-вторых, речь идет о проблеме государственного управления, теоретизируемой экономистами и в рамках теории общественного выбора, и с применением модели принципал-агента (подробнее об этом см. (Тамбовцев, Рождественская, 2022)). Модель принципал-агента объясняет гипотетические провалы промышленной политики в Китае¹⁸, случаи, когда бюрократия работает на достижение целевого показателя, не сообразуясь с долгосрочными эффектами своих действий. В иных же случаях мы можем исходить из предположения о том, что «промышленная политика открывает дверь для корыстного лоббирования и политического влияния» (Juhász et al., 2023. P. 6).

Таким образом, промышленная политика становится очередным вызовом для идеала веберовской бюрократии: ситуация «мы продвигаем X, но не Y» открывает перед лицами, принимающими решения, пространство и для ошибок, и для оппортунистического поведения, при котором спектр искажающих общественный интерес решений будет варьироваться от реализации целевых показателей во что бы то ни стало во имя достижения самих целевых показателей до прямого лоббирования интересов отдельных отраслевых сообществ и корпораций. В качестве одного из существующих решений проблемы эффективности промышленной политики можно назвать модель государственного предпринимательства и государственного капитализма, подразумевающую наличие экономических акторов – компаний, находящихся в собственности государства, но ведущих свою деятельность на рискованных условиях, присущих свободному рынку (Смотрицкая, Фролова, 2024). Однако модель государственного капитализма, во-первых, предполагает наличие предприятий в государственной собственности, но функционирующих на рыночных основаниях и независимо от правительства, что ограничивает возможности самого государства координировать деятельность этих предприятий, во-вторых, она не отменяет рисков оппортунистического поведения и ограничений рациональности при принятии решений в силу неполноты информации. Цитируя Уильямсона, частные фирмы «не могут имитировать мощные побудительные мотивы рынка без возникновения дополнительных затрат» (Уильямсон, 1996. С. 234): как он стремился показать, организация всей экономической деятельности в рамках одной фирмы невозможна, этот же вывод можно экстраполировать на проблемы государственного управления экономикой. Однако все же нам известны истории успеха реализации мер промышленной политики, когда государство напрямую вмешивалось в экономические процессы, и главным образом речь идет об «азиатских тиграх» и росте их экономик во второй половине XX в. Относительно модели достижения структурной перестройки экономик азиатских стран существуют различные версии подходов к выявлению причин успеха, одной из которых можно назвать так называемую модель государства развития, примененную правительствами азиатских стран.

Типология государства развития

Появление термина «государство развития» (*developmental state*) принято связывать с работой Чалмерса Джонсона (Johnson, 1982), в которой рассматривалось чудо послевоенного восстановления экономики Японии, обусловленное, согласно автору, реализацией мер промышленной политики. Отдавая едва ли не ключевую роль в успехе специфической модели бюрократии в лице Министерства международной торговли и промышленности, учрежденного после 1949 г., Джонсон противопоставляет государство развития регуля-

¹⁷ Обзор соответствующих теорий см. (Волынский, 2018).

¹⁸ Подчеркнем, мы не делаем утверждений о неэффективности промышленной политики в современном Китае, а лишь на уровне теоретизирования объясняем результаты отдельных исследований, нуждающиеся, впрочем, в дополнительной верификации.

торному государству (*regulatory state*) (Johnson, 1982. P. 10) по образцу США, и, более того, советской модели плановой экономики, подразумевая тем самым значительное влияние государства на промышленность, но не связанное с сокращением рыночных стимулов. В части вопроса о стимулировании бюрократии он, во-первых, указывает на ее исключительную взаимосвязь с бизнесом и, во-вторых, в части политэкономического обоснования возводит идею японской модели государства развития к немецкой исторической школе (Johnson, 1982. Pp. 17–18).

Интересно, что, хотя сам Джонсон уделил в своей работе значительное внимание концептуализации понятия, в первоначальных отзывах на монографию авторы рецензий не уделяли ему значительного внимания (Yasuba, 1983), порой и вовсе переключая внимание с бюрократии на роль дзайбацу – японских финансово-промышленных конгломератов (Tyabji, 1984). Спустя более чем десятилетие Джонсон конкретизировал свое понимание модели государства развития, выделив его ключевые компоненты: 1) тонкая настройка системы взаимодействия между бюрократией и бизнесом, сочетающая элементы государственного контроля, самоконтроля, кооперации власти и бизнеса. Со стороны бюрократии это предполагает необходимость определения ключевых отраслей, выбора механизмов и средств развития отраслей, способность бюрократии контролировать здоровую конкуренцию в выбранных отраслях; 2) архитектура политической системы, предполагающая свободу бюрократии в выборе цели и методов развития, предоставленная бюрократии возможность брать на себя инициативу; 3) совершенствование рыночных методов вмешательства государства в экономику; 4) наличие в бюрократической системе органа, обладающего широкими полномочиями в части определения стратегии экономического развития и ее реализации по примеру Министерства международной торговли и промышленности в Японии (Johnson, 1999. Pp. 38–39). Отвечая на существующую критику, Джонсон отмечал, что его модель государства развития не предполагает утверждения решающей и исключительной роли правительства в послевоенном росте японской экономики. Его утверждение о значительной координирующей роли бюрократии, получающей в модели государства развития более широкие полномочия, чем в регуляторном государстве¹⁹, как он пояснял впоследствии, не должно пониматься как тезис об отклонении японской системы управления в сторону плановой экономики (Johnson, 1999. P. 34).

Помимо перечисленных нами выше четырех составляющих, являющихся базой устоявшегося понимания того, чем является государство развития и повторяемых в различных вариациях в исследованиях других авторов (см., например, (Caldentey, 2008)), существует и та, на наш взгляд, необходимая часть, проливающая свет на поставленный нами выше вопрос о мотивах бюрократии. В одном из определений мы находим указание на существование социальной коалиции между бюрократией, политиками, бизнесом и обществом (Woo, 2022). Как об этом писал сам Джонсон: государство, стремящееся повторить опыт Японии, «...должно принять те же приоритеты, что и Япония. Прежде всего, это должно быть государство развития, и только затем регулирующее государство, государство благосостояния (*welfare state*), государство, обеспечивающее принцип социального равенства (*equality state*) или любое другое функциональное государство (*functional state*), которое общество может захотеть принять» (Johnson, 1999. P. 37). Этой оговоркой, с одной стороны, Джонсон стремился снять проблему соотношения государства развития и демократических институтов, с другой – вводил в рамки модели государства развития иную, помимо экономической, мотивацию, вытекающую из наличия социальной коалиции и существующих в обществе политических установок. Таким образом, фактически в модели государства развития оказывался поднят вопрос существования необходимых этических установок, проблема которых в рамках экономической теории и определения связи между этическими установками и экономической политики все еще дискутируется (Клейнер, 2024).

Говоря о последнем тезисе, можно затронуть относительно очевидную проблему экономического национализма: государство развития, как показывает исследовательская литература, состоялось как модель стимулирующего промышленного развития прежде всего в национальных государствах Азии, где экономический национализм исторически силен. В нашем же представлении более важным элементом идейной и идеологической переоценки может стать изменение существующих представлений о характере международной торговли. В работе 1999 г. Джонсон писал о том, что его модель государства развития была оценена многими

¹⁹ «Politicians reign and that the bureaucrats rule» («Политики правят, бюрократы управляют») – яркая формула Джонсона (Johnson, 1982. P. 316).

экономистами как содержащая в себе идеологический вызов неолиберальной парадигме и консенсусному представлению о характере международной торговли: оправдывая на примере Японии торговый протекционизм и государственные интервенции в экономику, эта модель предлагала иной взгляд на имеющиеся проблемы экономического развития. Логика модели государства развития предполагает структуралистский подход к экономике: идею направленной поддержки отдельных отраслей, что имеет своей целью изменение характерной для той или иной национальной экономики отраслевой и производственной структуры ВВП. А это может казаться как экономистам, так и бюрократии чем-то сродни авантюре. Так, Роберт Уэйд в статье с показательным названием «The Developmental State: Dead or Alive?» вспоминает об опыте Джастина Линь Ифу, китайского экономиста, работавшего в период с 2008 по 2012 г. на должности главного экономиста Всемирного банка. Занимая эту должность, он стремился вернуть в дискурс Всемирного банка понятие промышленной политики, цель которой – в структурном изменении национальной экономики (см. его доклад (Lin & Monga, 2010)). Его система аргументации основывалась на том, что азиатское чудо таких стран, как Япония и Корея, строилось на продвижении отраслей экономики с более высокой добавленной стоимостью при условии, что развитие этих отраслей находилось в пределах доступных для стран сравнительных преимуществ, однако его идеи так и не нашли понимания со стороны коллег из Всемирного банка, считавших опыт Кореи и Японии, стимулировавших развитие целой группы отраслей с нуля, лишь исключением из общего правила, вера в возможность повторения которого развивающимися странами скорее опасна (Wade, 2018. P. 4)²⁰.

Актуально ли для России?

Государство развития воспринимается сейчас скорее как исторический феномен, модель описания реформ в послевоенной Японии и ряде других азиатских государств. Более того, если в англоязычном академическом пространстве можно зафиксировать незначительный рост интереса авторов к проблематике государства развития²¹, то в российской академической среде понятие оказывается практически невостребованным, на что указывают, например, вьетнамские авторы (Ле и др., 2024. С. 79): база данных eLIBRARY.RU по запросу «государство развития» за весь период обнаруживает всего 64 публикации, часть авторов которых повторяется (например, К. С. Саблин стал автором и соавтором пяти публикаций из выдачи). Однако мы полагаем, что российскими авторами тема государства развития подвергнута забвению незаслуженно: описанная на множестве реальных исторических кейсов, она предполагает выход государственного регулирования за рамки существующих технократических конструкций, подсвечивая необходимое условие успеха: наличие широкого общественного консенсуса относительно целей экономического развития страны.

Модель государства развития позволяет говорить о взаимоотношении между обществом, властью и бизнесом, специализировать представления о механизмах демократического выбора применительно к развивающимся странам, тем, где вмешательство государства в экономику – жизненная необходимость, обусловленная потребностью в структурной трансформации экономики. Англоязычная исследовательская литература полна примеров исследований, доказывающих, что государство развития не уводит общество от демократического пути развития, но, напротив, является способом пути к инклюзивному обществу посредством выхода на траекторию устойчивого экономического развития и стабилизации социально-экономических институтов (Nagar, 2021; Tapscott et al., 2018; Lim & Jang, 2006; Brown & Fisher, 2019). В современных реалиях рос-

²⁰ Справедливости ради отметим, что классический структурализм (а Джастин Ифу позиционирует себя как новый структуралист ([6.3 Conference] Justin Yifu Lin: The Role of State in New Structural Economics. (2017, July 4). Institute of New Structural Economics at Peking University. <https://www.nse.pku.edu.cn/en/ywsy/news/245640.htm>)) порой радикально расходится с теорией сравнительных преимуществ. Так, Эрик Райнерт в своем обширном историческом исследовании стремился показать, что сравнительные преимущества в международной торговле консервируют состояние неэквивалентного обмена, при котором товары с низкой добавленной стоимостью обмениваются на товары с высокой добавленной стоимостью. Производители первой группы товаров оказываются в ситуации, консервирующей их отсталость в отношении производителей второй группы товаров (Reinert, 2008). Ссылаясь на это же выступление Ифу, добавим, что для него государство развития есть проявление классического структурализма, что позволяло выстраивать экономическую политику, идя в разрез со сравнительными преимуществами.

²¹ Так, поисковая машина системы Google Scholar по запросу “developmental state” (запрос введен в кавычках) обнаруживает 5360 публикаций, датированных 2023 г., и 4200 публикаций, датированных 2013 г., 5320 – в 2022 г. и 3870 – в 2012 г.

сийской экономики, находящейся под жестким внешним санкционным давлением, вопрос выстраивания общественного консенсуса и инклюзивного общества не является абстракцией. Как справедливо указывает академик В. М. Полтерович, ни мобилизационная, ни либерализационная стратегии, дискутируемые сейчас в российской академической среде и практике, не являются выигрышными в долгосрочной перспективе (Полтерович, 2023. С. 8–9), а эффективное развитие в долгосрочной перспективе возможно лишь при условии выстраивания стабильных связей между бизнесом, бюрократическими и академическими структурами и гражданским обществом. В этом контексте модель государства развития становится актуальным для изучения историческим примером. Стоит отметить, что, хотя и редкие, но в российской литературе существуют упоминания концепции государства развития именно в связи с этической составляющей. Так, в работе Левина и Саблина (2021. С. 67–68) успех азиатской модели и провалы реализации стратегии государственного развития в Бразилии в последней четверти XX в. связываются с коррупционностью бюрократической системы в последней и отсутствием необходимых этических установок у чиновников. В этическом смысле на проблему государства развития и ее применение в России смотрит и Я. М. Миркин (2021). Эта же мысль отчасти коррелирует с идеей трансформации стратегии государственного развития от представлений о бюрократии как менеджменте в модели сервисного государства²² к модели государства развития, формирующего и реализующего стратегии развития национальной экономики с учетом интересов общества (Смотрницкая, 2018).

Заключение

Международный политический ландшафт ощутимо изменился, равно как изменилось и восприятие международной политики в общественно-политическом дискурсе. Международная политика на уровне соответствующего восприятия отныне не только может быть охарактеризована стремлением прийти к единству перед общими вызовами бедности, дефицита ресурсов и климатических изменений, но и стала ареной конкуренции. Экономический и технологический рост одних стран стал восприниматься другими странами как угроза, а мировой рынок превращается в территорию растущих торговых барьеров и конкуренции за национальные рынки. Возникшая вследствие вводимых ограничений потребность к достижению технологического суверенитета для одних стран и стремление других выиграть в технологической гонке – все это возродило понятие промышленной политики, которое, в свою очередь, заставило по-новому взглянуть на проблему государственного управления экономикой и возможностей государственной политики.

В своем исследовании мы стремились показать, что забытое в прежние годы понятие государства развития, воспринимаемое прежде как историографический феномен опыта описания экономической политики ряда стран Азии в середине XX в., может стать актуальной основой дорожной карты для современных политиков в части реализации последними задач промышленной политики или, по крайней мере, позволит исследователям предвидеть возможные траектории поведения политиков и правительств. Среди идей, сосредоточенных в модели государства развития и, вероятно, актуализируемых в современных реалиях, укажем на имплицитное отрицание теории сравнительных преимуществ при планировании стратегий промышленной политики, что прямо вытекает из логики существующих торговых и геополитических конфликтов, возвращающих понятие экономического суверенитета, а также на необходимость существования в обществе социальной коалиции: единства понимания целей социально-экономического развития страны, определяющего возможности координации политики, бюрократии и бизнеса.

Список литературы

- Вольнский, А. И. (2018). Институциональный дизайн и теория реформ в российском экономическом дискурсе. *Terra economica*, 16(4), 29–40.
- Вольнский, А. И. (2022). К концу истории. *Восточный курьер / Oriental Courier*, 4, 11–19. <https://doi.org/10.18254/S268684310023799-6>

²² Имеется в виду модель нового государственного управления (New public management), рассматривающая государство как набор сервисов.

- Волынский, А. И. (2023). Политэкономия социализма с китайской спецификой: к проблеме внутри- и междисциплинарного синтеза. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 237–252. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.2.237-252>
- Гареев, Т. Р. (2023). Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации. *Terra Economicus*, 21(4), 38–54. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54>
- Голиченко, О. Г. (2014). Национальная инновационная система: от концепции к методологии исследования. *Вопросы экономики*, 7, 35–50. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-7-35-50>
- Голиченко, О. Г. (2023). Передача знаний и трансформация мезоединиц: роль сетевых взаимодействий на мезотраектории развития экономической системы. *Дружеровский вестник*, 4(54), 5–23. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2023-4-5-23>
- Гренье, Ж. И., Орлеан, А. (2009). Мишель Фуко, политэкономия и либерализм. В сб. *Государство. Научные тетради Института восточной Европы*, 3, 133–166.
- Клейнер, Г. Б. (2023). Системная парадигма как теоретическая основа стратегического управления экономикой в современных условиях. *Управленческие науки*, 13(1), 6–19. <https://doi.org/10.26794/2304-022x-2023-13-1-6-19>
- Клейнер, Г. Б. (2024). Экономические парадигмы, общественная этика, социально-экономические институты: динамика и взаимосвязь. *Экономическая наука современной России*, 2(105), 7–16. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-2\(105\)-7-16](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-2(105)-7-16)
- Левин, С. Н., Саблин, К. С. (2021). Догоняющее развитие vs. опережающее развитие: от теоретических моделей к практикам государства развития. *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, 12(4), 60–70. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.4.060-070>
- Ле Хуинь Дык, Нгуен Тхи Тхьонг, До Тхи Ван Фьонг (2024). Роль государства в развитии: концепция «государства развития» (опыт Вьетнама). *Право и государство: теория и практика*, 5(233), 78–82. EDN: CIUXPY
- Маевский, В. И., Кирдина-Чэндлер, С. Г. (ред.) (2020). *Мезоэкономика: элементы новой парадигмы*: монография. Москва: ИЭ РАН.
- Миркин, Я. М. (2021). Новая экономическая политика для России. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 227(1), 115–127. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-115-127>
- Полтерович, В. М. (2023). Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества. *Terra Economicus*, 21(3), 6–16. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16>
- Смотрицкая, И. И. (2018). Стратегические подходы к повышению эффективности институтов государственного управления. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, 1, 45–60.
- Смотрицкая, И. И., Фролова, Н. Д. (2024). К вопросу развития предпринимательской деятельности государства. *Общество и экономика*, 4, 5–16.
- Тамбовцев, В. Л., Рождественская, И. А. (2022). Экономическая теория в составе научных оснований государственного управления. *Terra Economicus*, 20(2), 6–20. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-2-6-20>
- Уильямсон, О. И. (1996). *Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция*. Санкт-Петербург: Лениздат; CEV Press.
- Хайек, Ф. А. (1990). *Общество свободных* (пер. с англ. А. Кустарева; под ред. Ю. Колкера; предисл. и пояснения к рус. изд. Эмона Батлера). Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd.
- Biondo, A. E., Brosio, G., Pluchino, A., & Zanola, R. (2022). Authoritarianism vs. democracy: Simulating responses to disease outbreaks. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 594. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2022.126991>
- Branstetter, L. G., & Li, G. (2022, November). Does “Made in China 2025” Work for China? Evidence from Chinese Listed Firms. *NBER Working Paper*, 30676.
- Brown, S., & Fisher, J. (2019). Aid donors, democracy and the developmental state in Ethiopia. *Democratization*, 27(2), 185–203. <https://doi.org/10.1080/13510347.2019.1670642>
- Caldentey, E. (2008). The Concept and Evolution of the Developmental State. *International Journal of Political Economy*, 37, 27–53. <https://doi.org/10.2753/ijp0891-1916370302>
- Cassan, G., & Van Steenvoort, M. (2012). Political regime and COVID 19 death rate: Efficient, biasing or simply different autocracies? An econometric analysis. *SSM - Population Health*, 16, 100912. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2021.100912>
- Cherif, R., & Hasanov, F. (2019, March 26). The Return of the Policy That Shall Not Be Named: Principles of Industrial Policy. *IMF Working Paper, Institute for Capacity Development*.
- Crisuolo, C., Gonnet, N., Kitazawai, K., & Lalannei, G. (2022). An industrial policy framework for OECD countries: Old debates, new perspectives. *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, 127. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/0002217c-en>
- D’Costa, A. P. (Ed.) (2012, September 20). *Globalization and Economic Nationalism in Asia*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199646210.001.0001>
- Drezner, D. W. (1999). *The sanctions paradox: Economic statecraft and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Evenett, S., Jakubik, A., Martín, F., & Ruta, M. (2024). *The Return of Industrial Policy in Data*. IMF Working Paper January.
- Fukuyama, F. (1992). *The End of History and the Last Man*. New York: The Free Press.
- Gebrewolde, T. M., & Rockey, J. (2022). The effectiveness of industrial policy in developing countries: causal evidence from Ethiopian manufacturing firms. *Journal of Development Effectiveness*, 15(2), 196–222. <https://doi.org/10.1080/19439342.2022.2090997>

- Golichenko, O. (2019). Regulation of meso trajectories in the national innovation system. In *Proceedings of the European Conference on Innovation and Entrepreneurship, ECIE*, Kalamata, 19–20 September, 2019 (Vol. 1, pp. 336–344). Kalamata.
- Gopinath, G., Gourinchas, P., Presbitero, A. F., & Topalova, P. (2024, April 5). Changing Global Linkages: A New Cold War? *IMF Working paper*. <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/05/Changing-Global-Linkages-A-New-Cold-War-547357>
- Gwartney, J., Lawson, R., Murphy, R., Abubaker, M., Celico, A., Hammond, A., McMahon, F., & Rode, M. (2023). *Economic Freedom of the World. 2023 Annual Report*. Fraser Institute. <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/economic-freedom-of-the-world-2023.pdf>
- Hinterleitner, M., Knill, C., & Steinebach, Y. (2024). The growth of policies, rules, and regulations: A review of the literature and research agenda. *Regulation & Governance*, 18(2), 637–654. <https://doi.org/10.1111/rego.12511>
- Hochuli, A., Hoare, G., & Cunliffe, P. (2021). *The End of the End of History: Politics in the Twenty-First Century*. Winchester: Zero Books.
- Johnson, C. (1982). *MITI and the Japanese miracle. The growth of industrial policy, 1925–75*. Stanford University Press*.
- Johnson, C. (1999). Chapter Two. The Developmental State: Odyssey of a Concept. In M. Woo-Cumings (Ed.). *The Developmental State* (pp. 32–60). Ithaca, NY: Cornell University Press. <https://doi.org/10.7591/9781501720383-004>
- Juhász, R., Lane, N., & Rodrik, D. (2023). The New Economics of Industrial Policy. *Working Paper*, 31538. <https://doi.org/10.3386/w31538>
- Lim Hyun-Chin, Jang Jin-Ho. (2006). Between Neoliberalism and Democracy: The Transformation of the Developmental State in South Korea. *Development and Society*, 35(1), 1–28.
- Lin, J., & Monga, C. (2010). *Growth identification and facilitation: the role of the state in the dynamics of structural change (English)*. Policy Research Working Paper WPS 5313. Washington, D.C.: World Bank Group. <http://documents.worldbank.org/curated/en/438321468164948980/Growth-identification-and-facilitation-the-role-of-the-state-in-the-dynamics-of-structural-change>
- Mauil, H. W. (2024). The Rise of Economic Nationalism. *Survival*, 66(2), 157–164. <https://doi.org/10.1080/00396338.2024.2332067>
- Nagar, M. F. (2021). The (Democratic) Developmental State: A Theoretical Overview – Underlying Internal Relations and Inherent Entrepreneurial Logic. In *The Road to Democratic Development Statehood in Africa*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-73523-4_3
- Polterovich, V. M. (2023). Catching-up development under sanctions: The strategy of positive collaboration. *Terra Economicus*, 21(3), 6–16. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16>
- Reinert, E. (2008, October 7). How Rich Countries Got Rich... and Why Poor Countries Stay Poor. *Public Affairs*.
- Tapscott, Ch., Halvorsen, T., & Rosario, T. Cruz-Del. (Eds.) (2018). *The Democratic Developmental State North-South Perspectives*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Tyabji, N. (1984). Japanese Miracle. [Review of *MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–75*, by C. Johnson]. *Social Scientist*, 12(4), 73–90. <https://doi.org/10.2307/3517087>
- Wade, R. (2018). The Developmental State: Dead or Alive? *Development and Change*, 49(2), 518–546. <https://doi.org/10.1111/dech.12381>
- Woo, M. (2022). The Developmental State. In J. Han, R. Pardo, & Y. Cho (Eds), *The Oxford Handbook of South Korean Politics*, Oxford Handbooks (pp. 104–119). <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780192894045.013.7>
- Wu, Y., Zhu, X., & Groenewold, N. (2019). The determinants and effectiveness of industrial policy in China: A study based on Five-Year Plans. *China Economic Review*, 53(C), 225–242. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2018.09.010>
- Yasuba, Y. (1983). *MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975*. By Chalmers Johnson. Stanford: Stanford University Press*, 1982. *The Journal of Economic History*, 43(2), 520–521. <https://doi.org/10.1017/S0022050700029958>

References

- Biondo, A. E., Brosio, G., Pluchino, A., & Zanola, R. (2022). Authoritarianism vs. democracy: Simulating responses to disease outbreaks. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 594. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2022.126991>
- Branstetter, L. G., & Li, G. (2022, November). Does "Made in China 2025" Work for China? Evidence from Chinese Listed Firms. *NBER Working Paper*, 30676.
- Brown, S., & Fisher, J. (2019). Aid donors, democracy and the developmental state in Ethiopia. *Democratization*, 27(2), 185–203. <https://doi.org/10.1080/13510347.2019.1670642>
- Caldentey, E. (2008). The Concept and Evolution of the Developmental State. *International Journal of Political Economy*, 37, 27–53. <https://doi.org/10.2753/ijp0891-1916370302>
- Cassan, G., & Van Steenvoort, M. (2012). Political regime and COVID 19 death rate: Efficient, biasing or simply different autocracies? An econometric analysis. *SSM - Population Health*, 16, 100912. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2021.100912>
- Cherif, R., & Hasanov, F. (2019, March 26). The Return of the Policy That Shall Not Be Named: Principles of Industrial Policy. *IMF Working Paper, Institute for Capacity Development*.

- Criscuolo, C., Gonnei, N., Kitazawai, K., & Lalannei, G. (2022). An industrial policy framework for OECD countries: Old debates, new perspectives. *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, 127. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/0002217c-en>
- D'Costa, A. P. (Ed.) (2012, September 20). *Globalization and Economic Nationalism in Asia*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199646210.001.0001>
- Drezner, D. W. (1999). *The sanctions paradox: Economic statecraft and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Evenett, S., Jakubik, A., Martín, F., & Ruta, M. (2024). *The Return of Industrial Policy in Data*. IMF Working Paper January.
- Fukuyama, F. (1992). *The End of History and the Last Man*. New York: The Free Press.
- Gareev, T.R. (2023). Technological sovereignty: From conceptual contradiction to practical implementation. *Terra Economicus*, 21(4), 38–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54>
- Gebrewolde, T. M., & Rockey, J. (2022). The effectiveness of industrial policy in developing countries: causal evidence from Ethiopian manufacturing firms. *Journal of Development Effectiveness*, 15(2), 196–222. <https://doi.org/10.1080/19439342.2022.2090997>
- Golichenko, O. (2014). National Innovation Systems: From Conception toward the Methodology of Analysis. *Voprosy Ekonomiki*, 7, 35–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-7-35-50>
- Golichenko, O. (2023). Transfer of knowledge and transformation of mesounits: the role of network interactions on the mesotrajectories of the development of the economic system. *Drucker's Herald*, 4 (54), 5–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2023-4-5-23>
- Golichenko, O. (2019). Regulation of meso trajectories in the national innovation system. In *Proceedings of the European Conference on Innovation and Entrepreneurship, ECIE*, Kalamata, 19–20 September, 2019 (Vol. 1, pp. 336–344). Kalamata.
- Gopinath, G., Gourinchas, P., Presbitero, A. F., & Topalova, P. (2024, April 5). Changing Global Linkages: A New Cold War? *IMF Working paper*. <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/05/Changing-Global-Linkages-A-New-Cold-War-547357>
- Greynе, Zh. I., & Orlean, A. (2009). Michel Foucault, political economy and liberalism. In *State. Academic records of the Eastern Europe Institute*, 3, 133–166. (In Russ.).
- Gwartney, J., Lawson, R., Murphy, R., Abubaker, M., Celico, A., Hammond, A., McMahon, F., & Rode, M. (2023). *Economic Freedom of the World. 2023 Annual Report*. Fraser Institute. <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/economic-freedom-of-the-world-2023.pdf>
- Hayek, F. A. (1990). *The political order of a free people* (transl. from English by A. Kustarev; ed. Yu. Kolker; foreword and comments to the Russian edition by Eamonn Butler). London: Overseas Publications Interchange Ltd.
- Hinterleitner, M., Knill, C., & Steinebach, Y. (2024). The growth of policies, rules, and regulations: A review of the literature and research agenda. *Regulation & Governance*, 18(2), 637–654. <https://doi.org/10.1111/rego.12511>
- Hochuli, A., Hoare, G., & Cunliffe, P. (2021). *The End of the End of History: Politics in the Twenty-First Century*. Winchester: Zero Books.
- Johnson, C. (1982). *MITI and the Japanese miracle. The growth of industrial policy, 1925–75*. Stanford University Press*.
- Johnson, C. (1999). Chapter Two. The Developmental State: Odyssey of a Concept. In M. Woo-Cumings (Ed.). *The Developmental State* (pp. 32–60). Ithaca, NY: Cornell University Press. <https://doi.org/10.7591/9781501720383-004>
- Juhász, R., Lane, N., & Rodrik, D. (2023). The New Economics of Industrial Policy. *Working Paper*, 31538. <https://doi.org/10.3386/w31538>
- Kleiner G. B. (2024). Economic paradigms, public ethics, socio-economic institutions: dynamics and relationships. *Economics of Contemporary Russia*, 2(105), 7–16. (In Russ.). [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-2\(105\)-7-16](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-2(105)-7-16)
- Kleiner, G. B. (2023). System paradigm as a theoretical basis for strategic economic management in modern conditions. *Management sciences*, 13(1), 6–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2304-022x-2023-13-1-6-19>
- Le Huin Duc, Nguyen Thi Thuong, Do Thi Van Phuong. (2024). The role of the state in development: the concept of the "state of development" (the experience of Vietnam). *Law and State: The Theory and Practice*, 5(233), 78–82.
- Levin, S. N., & Sablin, K. S. (2021). Catch-Up Development VS. Forward-Looking Development: from Theoretical Models to Developmental State Practices. *Journal of Economic Regulation*, 12(4), 60–70. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.4.060-070>
- Lin, J., & Monga, C. (2010). *Growth identification and facilitation: the role of the state in the dynamics of structural change (English)*. Policy Research Working Paper WPS 5313. Washington, D.C.: World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/438321468164948980/Growth-identification-and-facilitation-the-role-of-the-state-in-the-dynamics-of-structural-change>
- Lim Hyun-Chin, & Jang Jin-Ho. (2006). Between Neoliberalism and Democracy: The Transformation of the Developmental State in South Korea. *Development and Society*, 35(1), 1–28.
- Mauil, H. W. (2024). The Rise of Economic Nationalism. *Survival*, 66(2), 157–164. <https://doi.org/10.1080/00396338.2024.2332067>
- Mayevsky, V. I., & Kirdina-Chandler, S. G. (Eds.) (2020). *Meso-economics: elements of a new paradigm*: monograph. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Mirkin, Ya. M. (2021). New economic policy for Russia. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 227(1), 115–127. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-115-127>

Nagar, M. F. (2021). The (Democratic) Developmental State: A Theoretical Overview – Underlying Internal Relations and Inherent Entrepreneurial Logic. In *The Road to Democratic Development Statehood in Africa*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-73523-4_3

Reinert, E. (2008, October 7). How Rich Countries Got Rich... and Why Poor Countries Stay Poor. *Public Affairs*.

Smotrinskaya, I. I. (2018). Strategic approaches to increasing the efficiency of state governance institutions. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, 1, 45–60.

Smotrinskaya, I. I., & Frolova, N. D. (2024). On the issue of development of entrepreneurial state activity. *Society and Economy*, 4, 5–16. (In Russ.).

Tambovtsev, V. L., & Rozhdestvenskaya, I. A. (2022). Foundations of public administration: The role of economics. *Terra Economicus*, 20(2), 6–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-2-6-20>

Tapscott, Ch., Halvorsen, T., & Rosario, T. Cruz-Del (Eds.) (2018). *The Democratic Developmental State North-South Perspectives*. Stuttgart: ibidem-Verlag.

Tyabji, N. (1984). Japanese Miracle Review Article of MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925-75 by Chalmers Johnson. *Social Scientist*, 12, 73–90.

Volynskii, A. I. (2018). Institutional design and theory of reforms in Russian economic discourse. *Terra Economicus*, 16(4), 29–40. (In Russ.).

Volynskii, A. I. (2022). To the End of History. *Oriental Courier*, 4, 11–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.18254/S268684310023799-6>.

Volynskii, A. I. (2023). Political economy of socialism with Chinese characteristics: on the issue of intra- and interdisciplinary synthesis. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 237–252. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.2.237-252>.

Wade, R. (2018). The Developmental State: Dead or Alive? *Development and Change*, 49(2), 518–546. <https://doi.org/10.1111/dech.12381>

Williamson, O. I. (1996). *The economic institutions of capitalism*. Saint Petersburg: Lenizdat; CEV Press. (In Russ.).

Woo, M. (2022). The Developmental State. In J. Han, R. Pardo, & Y. Cho (Eds), *The Oxford Handbook of South Korean Politics*, Oxford Handbooks (pp. 104–119). <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780192894045.013.7>

Wu, Y., Zhu, X., & Groenewold, N. (2019). The determinants and effectiveness of industrial policy in China: A study based on Five-Year Plans. *China Economic Review*, 53(C), 225–242. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2018.09.010>

Yasuba, Y. (1983). MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. By Chalmers Johnson. Stanford: Stanford University Press*, 1982. *The Journal of Economic History*, 43(2), 520–521. <https://doi.org/10.1017/S0022050700029958>

* Принадлежит нежелательной организации в РФ / Belongs to an undesirable organization in the Russian Federation.

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 02.09.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 11.10.2024

Дата принятия в печать / Accepted 11.10.2024